

инстрацией, как мы уже знаем, нашла возможным перенести 2000 руб. с населения Канского у. на население Красноярского. Этот губернский управленческий закончился раскладкой.

Последний метод рекомендует губернский управленческий и уездный комитеты при раскладке иши подати между отдельными обществами, но только для проверки. Пользоваться им, как основой раскладки уже потому нельзя, что при этом принимается во внимание только земледелие и скотоводство. Все другие занятия этого метода исключаются, и пользуются им нельзя уже сказать, что в основу раскладки кладется «чистый доход» населения. Кроме того остальные подати и повинности при этом вовсе уже не принимаются во внимание. Даже если-бы нужно было сдвигать раскладку на основании только земледелия и скотоводства, и то при применении этого метода результаты могут быть сомнительными. Почему это? Ибо в некоторых случаях, где только что приведенные таблицы, разве не все работники лошади дают доход? Неужели в Канском у. 13 дес. пашни дадут столько дохода, сколько в Минусинском или Ачинском 16? Хотя для Минусинского и Ачинского 16 дес. пашни дадут одинаковый доход, но по расходу губернского управления десятка в Минусинском у. дасть доходу 6,45 р., в Ачинском 7 руб., разница значительная: если увеличивать доходность десяти земли Минусинского только на одну копейку, то общая доходность по уезду увеличится на 2240 руб. Такая эта «единица доходности» — неопределяемая величина. Длительностью, что значит выражение, что 10 голов рабочих лошадей дают столько же дохода, сколько 1 работник? Значит ли это, что при оплаченном наймом труд держат десять лошадей тоже самое, что нанятый взрослый работник, или это значит, что 10 лошадей при затрате собственного труда семейством дадут определенный доход? Известно, что без затрат труда не получается никакой стоимости, этот же способ расчета построен таким образом, что 11 дес., например, пашни без затрат труда могут дать доход.

Введя последние поправки в раскладку общерасходной подати, губернский управленческий комитет проекта нового обложения населения по уездам. Чтобы можно было судить о тех изменениях, которые внесла новая раскладка, приведем ее параллельно с суммами прежних казенных сборов.

Из сравнения этих чисел можно видеть, что по всей уезду произошло уменьшение казенных податей, исключая Минусинского. Самое большое уменьшение произведено в Канском и Красноярском у.у., незначительное в Канском.

Для сравнения интересно сопоставить также, сколько подати приходилось раньше и сколько приходится в настоящее время с одного работника:

до 1899 года.	с 1899 года.
Канск. 5 р. 27 к.	Канск. 3 р. 94 к.
Красноярск. 5 р. 29 к.	Красноярск. 3 р. 91 к.
Ачинск. 3 р. 75 к.	Ачинск. 3 р. 52 к.
Канск. 5 р. 41 к.	Канск. 3 р. 23 к.
Минусинск. 3 р. 20 к.	Минусинск. 3 р. 97 к.
по губернии 19,33	по губернии 19,22

С 1 дес. земли приходится в Канском у. 34 коп., в Красноярском — 24,6 к., в

Ачинском — 21,35 к., в Канском — 24 к., в Минусинском 32,5 коп. и по всей губернии 27 коп.

Наконец интересно сопоставить, насколько равномерно распределялись теперь все подати и повинности под влиянием раскладки общерасходной. Ниже помещены числа, выражающие процентное отношение всех податей и повинностей к общей доходности населения:

до 1899 года.	с 1899 года.
Канск. 70,1	Канск. 65,9
Красноярск. 21,6	Красноярск. 20,5
Ачинск. 16,5	Ачинск. 16,3
Канск. 18,9	Канск. 18,7
Минусинск. 18,6	Минусинск. 18,6
по губернии 19,33	по губернии 19,22

Эти числа показывают крайне незначительное в общем изменение податного сбора с населения Канской губ.: о полной равномерности податей и повинностей, даже между уездами, покуда говорить нельзя. В этом направлении и положено только начало.

Е. П.

Сибирская жизнь.

ХРОНИКА СИБИРИ.

Иркутск. (Угасание пошвы на чай). Пошва на чай, как мы уже отмечали, увеличена на три рубля золотом с пуда. Этот тариф в Иркутской таможне применяется с субсидии 26 июня. Заготовщики, не успевшие очистить чай от пошвы, переплачивают на пошву большие суммы, а чай является еще менее доступным для массы населения.

Крушение поезда. 26 июня, на 35 верстах от Иркутска, на Иркутско-Ливинской ветке локомотив с тендером и два вагона сошли с рельсов и скатились под откос по направлению к Ангаре. Машинист и кондуктор ранены. Путь испорчен, и строитель Забайкальской жел. дор. г. Пушкин, говорят, пробьется на другой день с пересадкой.

Учительская семинария. В настоящее время в Иркутской учительской семинарии окончил курс тридцать человек, из которых удостоены свидетельства на звание начального народного учителя — тридцать. Двое из окончивших курс уехали в Ангарскую область, один — в Иркутскую, трое — в Забайкальскую обл., остальные назначены учителями начальных школ Иркутской губ. По свидетельствам, полученным дирекцией учительской семинарии, в Ангарской области имеется десять вакантных мест, в Забайкальскую же требуется до 20-ти учителей. Эти цифры красноречиво говорят о том, что одна семинария почти на всю вост. Сибирь далеко не удовлетворяет нуждам края и является необходимостью в открытии новой.

Красноярск. (К парижской выставке). Модели железнодорожного моста через Енисей, кессона и крана, сделанные г. Кнорре по заказу казны за 10,000 руб. уже готовы и вскоре будут отправлены в Петербург, а затем на парижскую выставку, откуда поступят в музей министерства путей сообщения.

Интересный иск. «Енисей» слышал, что г. Кнорре привлекает к ответственности нестроителя моста на Забайкальской железной дороге за применение им кессона г. Кнорре, зная, как известно, принадлежавшее к своему изобретению. Иск этот предъявлен в 126.000 р.

Тюмень. (Ярмарка). Угасаясь 20 июня в Тюмени ярмарка является, между прочим, рынком сбыта кустарных изделий крестьян тюменского и соседних уездов.

Кустарное производство, существующее в 14 волостях Тюменского уезда, дает населению весьма значительный заработок. Группируя разновидности сельской общинной мелкой промышленности, можно разделить их на пять классов: 1) обработка дерева, 2) глины, 3) железа, 4) волока и 5) кожи.

Первое место занимает обработка дерева, распространенная почти во всех волостях. Производит этот ремесленник грубую мебель домашнего обихода — ящики и лавки (летенки), посуду, сабли, кизди для коммун, коромысла, колеса, сараны, короба, даже мебель. Наибольшее количество деревянных изделий составляет Троицкий уезд, изготовляющий на 25 тысяч рублей изделий и на 4 тыс. руб. мебели. Затем идут: Енисейская волость (мелкие деревянные изделия), Канская (охлаждающие ящики и лавки). Колеса выделывают в Тугулымской и Липинской волостях кустарники до 5 тыс. руб. В последние время, из затруднений доставить лес издалека, дачи, промышленники стали падать. Экономия лесной работы — кулаки не только на лесах, но находят хороший сбыт в Сибирях (Томск и далее). Мебель раскупается в Тюмени. К сожалению, по неимению образцов и рисунков, мебель делается устарелых фасонов, отличающаяся грубой работой и потому продается дешево, например стул можно купить за 35 коп.

(Уралъ).

Тюменский уезд. (Сибирская жизнь). В Тюменском уезде «Сибирская жизнь» широко распространена и уже появилась в 9 волостях: Чернышевской, Троицкой, Прохоровской, Богдановской, Тугулымской, Канской и Липинской, Тавдинской и Успенской.

Мост через р. Ок. Железнодорожный мост через Ок на пути из Иркутска уже готов и надлежит быть дан триндентом его г. Кнорре.

Сахарный завод Гусевой. Двух сахарного завода Гусевой быстро идут к печальному концу, так что даже упоминающий завод уже седьмой месяц не может получить жалованья, вследствие чего оставляет службу. («Енисей»).

Корреспонденция.

Из Омска.

Шиллер и Шекспир, «Разбойники» и «Шейлок», чудная трагедия Уильяма Шекспира, нашедшая в продолжении всех гастролей братьев Адельгеймов. Казалось, мы на время отбросили от будничного; мы были очарованы этими монументальными думами; мы слышали о сцене массы движений преставления уже потому, что они заставляли нас думать, будили в нас много новых чувств.

Билеты разбались быстро. Театр был полон публики. Мы шли на гастроли, аплодировали, несколько аплодировали тем, кто хотел на время оторвать нас от будничных призраков. Правда, удовольствие ослабилось невозможностью в театре при просмотре: приходилось удаляться, потому что Селиванов не мог жить этих мест.

Неужели он думает, что публике удобно сидеть там, где сцену скрыта от зрителя двумя

толстыми колоннами, или на задних скамьях, которые настолько низки, что, сидя на них, приходится наклоняться лишь сзади и плакаться в слезы сидения.

С некоторыми из этих мест, вместе сцену виден какой-то грот, в этом гроте безпрестанное движение фигур при слабых фантастических освещении, а над гротом крупная надпись... «Буфет».

Платить за этот, быть может, и интересный для кого-нибудь вид, не каждому желательно. Но рента у нас, почитаемому, помещалась на своих доходах. Г. Сичкарю не единственный.

Вот и другой репертуар г. Август, занимающийся скупкой домов.

Он эксплуатировать эти дома с практичностью истого влики. Вот его дом на львовом берегу реки «Останки». Дом — как дом, а флигель — развалины, но в этих развалинах устроена настоящая Виленская лавра, которая не уступит Петербургской и приносит изрядный доход своему владельцу. Но какое дело репертуру до того, что дом грозит обвалиться, что он опасен и в пожарном и в санитарном отношении. Нашему репертуру нужна лишь рента, которую он и получает с лавры.

Минусинск, июня 29 дня. (Безпомощное положение городского управления, пришло к губернатору, помощи погорельцам). 15-сего июня вступил в должность городского головы И. П. Лыткин, принявший на себя и обязанности представителя сиротского суда. На него городское общество возлагает большие надежды, так как г. Лыткин энергичный человек и не повинуется в городском деле: с 1883 года он состоит главным думой, а в течение лет 1883—1886 г. служил городским головой.

Новому составу городского общественного управления придется разобраться, между прочим, с делом о сиротском участке, известном под названием «Барулинский луг». Дело это далеко не лишено интереса и заключается в следующем. Владельцем этого участка, приобритенного городом с торгов, оставшейся Селиванов каждое лето, начиная с 1895 г., путем насилия и угроз, заставлял городское управление отказываться от своего права и собирать доходы. Городское управление хотя и пыталось удержать за собой право на доходы, но безуспешно; Селиванов вместе с своим сыном, вооружаясь ружьями и револьверами ежегодно прогонял с луга и служащих городского управления и лиц раскулаченных восставших покосами от города.

Дело об угрозах, самоуправстве и насилии Силиванова возникло еще в 1895 году, но до сих пор остается нерешенным. Между тем, такое жеделение и видная беззаконность до того разнуздали инстинкты Селиванова, что он не постыжился провозгласить самоуправство даже и в то время, когда полиция, по настоянию города, выступила активным защитником прав города на указанный сиротский участок. За проявленное в этом случае самоуправство Селиванов Красноярским Окружным судом в мае 1898 г. был признан виновным и приговорен к денежному штрафу в размыр 100 руб. Но и это не помогло. В июле-же месяца Селиванов отдал городской покоем в пользование разным лицам и так как сумма ежегодного дохода за покос не менее 300 руб., то он не мог не получить от городской доходу, остался, конечно, в выигрыше. Наконец 1 июня с.г. мировой судья приступил к разбору этого дела, но не сообщив

суду городскому управлению о дле разбора и находит, что это дело носит характер частного обвинения и может быть прекращено примирением, прекратил на основании правил 10 марта 1896 г. о порядке введения судебной реформы. Такое заключение г. судьи вызвало то, что 3 июня Селиванов подал в городское управление заявление о том, что он не позволяет пользоваться лугом и будет точно так же, как и ранее, всеми средствами защищать свои права. А его средства известны: насилие и угрозы с оружием в руках. И вот, до последнего ареста в нашем городе творится что то непонятное. Селиванов захватывает городское имущество, полиция возмущается права города, а Селиванов вновь захватывает и, не обращая внимания на вмешательство властей, с оружием в руках, заставляя городскую пошину своими правами — все это продолжается на глазах всех и каждого, среди благого дня. Право можно подумать, что мы живем вновь в период давно канувшего в вятности средневекового кулачного права.

Не в лучшем положении обстоит дело по городскому сиротскому суду. Здыть то и дло обнаруживаются вопиющие беззакония по разным опекам и, не смотря на целый ряд жалоб, имущества опекаемых расхищаются, а опекуны и в ус не думают, видя полную безнаказанность своих противоправных действий. Мы могли бы перечислить массу таких дел, но не желаем утомлять читателей этим печальным перечнем, твердо давая, что в конце концов, справедливость восторжествует и опекуны — хищники понесут достойную кару.

Вчера утром на пароходе «Николай» прибыл сюда из Красноярска енисейский губернатор М. А. Плещ. Так как это его первое посещение, то он был встречен депутацией от города, при чем по обычаю, городской голова поднес хлеб — соль. С пароходной пристани г. губернатор отправился на место пожара, бывшего 19-го мая и проявил особую заботливость к пострадавшим погорельцам, интересуясь разбиранием средств, выходящих в распоряжении Комитета по оказанию помощи погорельцам и его деятельности. Затем начался губернии посетил присутственные места и того-же дня выехал на озеро Шаро, откуда возвратится обратно сюда 6 июля при ревью.

Деятельность городского Комитета по оказанию помощи погорельцам выражается в следующем. До настоящего времени поступило пожертвований 5007 р. 42 коп., выдано особенно нуждающимся, исключительно квартирантам, 689 р. 30 к., а остальная сумма направлена для выдачи домовладельцам на обстройку — по степени состоятельности каждого и сумам понесенного им убытка; в общем размыр пособия 12—30% на рубль убытка. Явились, конечно, недовольные, рассчитывавшие на полное возмещение потерь, очевидно не создавая, что дело идет о возможной помощи действительно пострадавшим в бедственном положении. Нашлись и такие погорельцы, которые не смотря на полную материальную обеспеченность, все-таки требуют выдачи пособия, хотя могли бы, без особого ущерба для себя, оказать такое другим, более пострадавшим и оставшимся положительно без всего.

Гр-ий.

Журнальное обозрение.

Главный интерес майских номеров наших журналов сосредоточен на Пушкине и пушкинском юбилее. Из всей пестрой массы статей и статей о нашем великом поэте мы не можем не выделить оригинальную статью пр. Овсянко-Куликовского в № 5 «Жизни», под заглавием: «А. С. Пушкин — как художественный гений». Автор говорит в начале статьи: «Великий поэт, как Пушкин, можно и должно изучать с различных точек зрения». Он указывает на историко-литературную, национальную, общечеловеческую, художественную точки зрения, «но возможна еще одна точка зрения, определяемая понятием задачи писателя художественного творчества, как особая точка зрения». (Курсив здесь и ниже принадлежит автору статьи). «Изучение писателя творчества по преимуществу направляется на личность самого поэта. Здесь настоящий объект исследования это — гениальная голова поэта, как лаборатория творчества». Автор интересуется одним вопросом о гениальности Пушкина и он старается его развить, принимая за основание своей критики принцип экономии умственной энергии. «Гений мысли отличается от не-гения прежде всего тем, что он — отличный аккумулятор умственной энергии, сберегающий и накапливающий огромную силу мысли, между тем как ум обыкновенный сберегает и накапливает ее сравнительно немного». «Гениальные художники это — те, которые создали наиболее широкие художественные типы, имеющие или могущие иметь значение общечеловеческое».

Стоя на такой точке зрения, автор признает Пушкина гениальным поэтом не только в общерусском, но в общечеловеческом смысле этого слова. Начавши истинно художественного творчества Пушкина автор ставит 1823 год, когда были написаны первые главы «Евгения Онегина», в лиц которого Пушкин представлял нам рокового типа наших русских «лирических людей». Лавренко, Рудани, Обломов были лишь дальнейшими развитиями этого типа, поставившими на несколько новую общественную обстановку. По мнению автора гениальность творчества Пушкина, по мнению автора, достигла при создании общечеловеческих типов в поэмах «Скупой рыцарь», «Накануне гость» и «Монах» и Салерн.

Автор считает Пушкина гениальным лириком, причем автор определяет, что он понимает под гениальностью в лирике. Говоря о лирике, нельзя умолчать об «эстетическом»

«эстетическом» («эстетическом чувстве») в том, что такое эстетическое удовлетворение, которое существует процессу мышления, когда оно протекает безпрестанно и успешно. В процесс специально — художественного мышления чувство эстетического удовлетворения перерабатывается и превращается в нечто новое и более сложное силой другого ощущения, ему сопутствующего и с ним сливающегося; это другое, по моему разумению, есть восприятие того ритма, который присущ художественной мысли по преимуществу, как в ее внутреннем механизме, так и в ее внешних выражениях. В этих «внутренних» выражениях — язык, стиль, стих, построение образов и их сочетаниях в поэзии, в гармонии красок, света и тени в живописи, гармония линий в архитектуре, музыкальные элементы в музыке и т. п. и т. п. и так сказать, «осознательно» проявляется ритмический строй процессов художественной мысли.

Восприятие этой внутренней гармонии, присущей самому процессу художественной мысли, входит в состав эстетического чувства». «Гениальный лирический поэт — это тот, у которого упорядочение чувств силой внутреннего ритма возведено на высшую степень. Гениальность в лирике это — достижение той совершеннейшей гармонии в сфере чувств, каковы бы ни были, любовными или «гражданскими», которая заставляет нас, воспринимая ее, повторять слова Салерн:

«Какая глубина,

Какая высота и какая стройность!»

Это восприятие Салерн несколько выражается у нас под впечатлением — не всех, конечно, — но многих лирических стихотворений Пушкина, а также в таких, проникнутых лиризмом, но необычайной высоты и силы, произведений образного искусства, как «Мидный всадник» и «Русалка». Так заканчивает пр. Овсянко-Куликовский свою прекрасную статью.

Не можем не привести здесь отрывок из очень сильного и прекрасного стихотворения Тана, помещенного в том же номере «Жизни», под заглавием «Разбойники пера».

Кто хочет пусть молчит, но я молчать не стану!

На торжестве святом мнѣ непонятна лажь.

И брошу я в лицо беззастенчивому орману

Барьерный упрям, откровенный, как молот.

Как гибель мой образчик, как голос мнѣ уснуть?

И поэту слов моих вас поразит съ лажь,

И яристы потоки на вас до капли явятся,

И приподнимет съ тобою, как дѣлаетъ мечъ?

Оставь праздникъ нашъ! Не жѣло дѣлѣ туманъ!

Равнодушья пера, не жѣло дѣлѣ вѣки!

И памятникъ явится на васъ дождя туманъ,

И блескъ его вѣзда отъ нашихъ мерзкихъ глазъ.

Когда вѣблетъ вѣтъ, какъ не было на свѣтѣ,

Но скорбный тонъ концы такихъ же дѣло рукъ.

По вы... из хуе ну. Вью вамъ подлость даже Пустылъ имъ в развѣдъ, на жидне грош.

Торгу кланетъ на рыночной продажъ.

Но уицъ въ грѣхъ серебра барышъ.

Остатки праздника, намы...

Текучая литература в майском номере «Вестника Верона» звучит, а в «Русской Мысли» — густа. В «Мире Божьей» все или продолжения или пачала повестей и романов и мы пождем их конца, чтобы о них писать. Теперь на досуге займемся специально одним симпатичным и любознательным журналом: «Журнал для всех». Журнал выходит 4-й год, по 12 номеров в год, величина каждого номера около 8-печатных листов; цена журнала бесспорно дешевая — 1 р. в год с пересылкой. Судя по заглавию и дѣлу, журнал предназначен для всякого, но не только для читателей и разчитан на широкое распространение. Пользуясь номерами за предыдущий год, посмотрим, насколько он отвечает своему назначению. Начнем с беллетристики.

В первых трех номерах помещены очень симпатичные рассказы Тимокского «Орелы людей». В нем рисуются безымянные положения человека — интеллигентного пролетария, который дошел до самой крайней степени нищеты, той нищеты, когда даже самый вид человека возбуждает подозрительность и отвращение в людях; его недружелюбно встрѣляют и боятся — нищета, вид в нем чужака — барина в пальто, хотя это пальто покрыто несчетным количеством дыр. Все средства найти честный заработок перепробованы. Все тихо; остается противопоставить руку за милостивой; но самая мысль о подобном исходе кажется Бренину сначала нетерпимой; потом он, срывая сердце, примирается с этим; но протянуть руку своего трудящегося рыва на это в своем уж. Первые его попытки вышли неудачны; вместе с помощью он встретил лишь презрительные поучения в роду: не надо пьянствовать, надо трудиться и т. д. Тогда Бренин окончательно ринулся больше не к кому не обращаться: лучше смерть, чем унижение. Он бросается под поезд.

Совершенно походит к вышеназванному рассказу другой под заглавием: «Чего не сказал Макарь Иванович» Варавцевича. То же изданным отношением автора к объекту судьбы человека, тоже стремление последнего оберегать свою личность от оскорблений со стороны состоятельных людей, которые считают себя в праве третировать лиц, ниже их стоящих на социальном лестнице. В № 2 и 3 очень интересны рассказы Горького «Финюген Ильич».

В нем выводится два типа деревенских дѣл: у одного — Лохов отцу напичкан, по шти симфонии и предпринимчивости, у другого Финюгена Ильича — тип кандала, хотя ума палата; ему не достает только денег, чтобы заставить «злой мак записки», а пока что он удовлетворяет свою венающую страсть к власти тем, что слышит грамотеям, законникам и ворочает мирскими дѣлами по всей своей волѣ. Конечно, Финюген съ презрѣнием смотрит на Лохова, который при дѣлах не может начать дѣла

«своим разумом», а ходит к другим «по указу».

«П-да... семь, говорит, сотъ у меня... задучиво говорит Финюген (о Лохов), сиди на лавке против печи и пристралясь гляди на огонь. Вреть, надо бы, больше вѣсть... Мѣй бы эти самыя семь сотъ... Ну и поверилъ бы я съ ним! Эх!-х! зимой бы у меня мак зацвѣлъ... А онъ что? Дуракъ!».

В № 4 очень интересны рассказы из сибирской жизни Р. Романова «На сѣмена». Пред читателем, как живая, востает картинка из жизни сибирского сельского богатя. Правда, кажется у каждого сельского читателя — сибиряка, живущего по берегу Енисея, возникает вопрос: уж не въ немъ ли сѣй жилъ эта компанія, которую я вижу въ рассказѣ въ гостях у перкованаго старости Ильи Николаевича? Тутъ слытъ земскій заведѣтель, учитель, батюшка, административно-сѣмальный студентъ модникъ и двое изъ вѣстныхъ торговцевъ. На столѣ обычная выпивка, закусочка, тутъ есть даже и любимая «строганина». Между выпивкой компанія ведетъ мирный разговоръ, перекидываясь взаимными остроумиями, и наконецъ земскій заведѣтель юмористически рассказываетъ случай изъ своей жизни, какъ ему удалось провести взбунтовавшихся крестьянъ. Въ № 4 и 5 интересенъ 2 рассказа: изъ еврейской жизни «Хавиъ Кравоцъ» Пружанскаго и «Дерева Печальная» Вьюковскаго. Въ первомъ рассказѣ авторъ рисуетъ тѣ же измѣненія, которыя вносятъ въ жизнь зажиточнаго углола чужбина и вообще культура; какъ эта новая струя проливается съ стороны жизни и какую порождаютъ психологию въ тѣх, кто плоть и кровью связаны со старымъ укладомъ жизни. Во второмъ рассказѣ предъ нами востаетъ картинка деревенской бѣдности и тѣноты. Во всей деревнѣ вѣтъ даже самовара и прѣбавшему для сбора статистическихъ свѣдѣній чиновнику приходится разспрашивать за деревней какого то оставшаго солдата, караульшаго жогалы, единственнаго обладателя самовара. Этотъ же солдатъ, какъ человѣкъ бывалый, настолько выдѣляется отъ деревенской тѣноты, что съмыкаетъ на колуду и пользуется этимъ, чтобы мошеннически выманить деньги у крестьянъ. «Видный солдатъ, бѣдный народъ! Одинъ и тѣ же тѣма, гододъ и гододъ заставляли одного идти по «колдовской частъ», а другогъ вѣрять... такъ заканчиваетъ авторъ свой рассказъ.

Вообще о беллетристичѣ въ «Журналъ для всехъ», кромѣ хорошаго, мы нечего сказать не можемъ: задумчивость, живость образовъ, симпатичное отношеніе къ объекту судьбы человека — вотъ отличительныя черты всѣхъ рассказовъ.

Кромѣ беллетристики, въ журналѣ есть статьи по разнымъ отраслямъ знанія: по геологіи, географіи, астрономіи, физиологіи, зоологіи, исторіи и литературѣ. Всѣ затронутыя авторами темы безусловно интересны и мы будемъ говорить лишь о ихъ выполненіи. Нельзя сказать, чтобы мы были въсѣмъ довольны. Возмемъ хотя бы статью о Финляндіи (№ 1 и 2). Волѣе сухо и скучно написать о такой интересной странѣ, какъ Фин-

ляндія, кажется, невозможно; къ тому же есть мѣста мало понятныя для большинства читающей публики; мы имѣемъ въ виду попытки автора представить геологическое прошлое Финляндіи въ нѣсколькихъ строкахъ. Выходитъ, конечно, и мало убедительно и мало понятно. По нашему мнѣнію, ужъ если говорить, такъ говорить, чтобы дѣйствительно было понятно всѣмъ; а если глѣзны въ нѣкоторыхъ и ученыхъ свѣдѣній сообщить въ нѣсколькихъ словахъ ясно и понятно, такъ обойти ихъ молчаніемъ въ данной статьѣ, а договорить о нихъ отдѣльно подробно и обстоятельно. Очень плохо изложено и политическое устройство Финляндіи. Примѣромъ того, какъ не надо писать для общедоступнаго журнала, можетъ служить прекрасная по содержанию статья г. Соколова «Чему учить геологію». Для примѣра приведемъ выдержку: «Прошли вѣка, и громадное число неусыпныхъ наблюдѣній и кропотливыхъ научныхъ значительныхъ обогащеній человеческой умъ, а вѣдѣтъ съ этимъ и расширили горизонты египозицій. Люди стали сводить явления природы къ ихъ причинамъ, т. е. разсматривать любое изучаемое нами явленіе, какъ слѣдствіе какого либо другаго явленія, которое, находясь въ первомъ въ отношеніи причинности или соискусствованіи, можетъ быть признано его причиною».

Установивъ такую связь и указавъ известное еднородное въ кругу изучаемыхъ нами явленій и отношеніе причинности между ними, мы приобретаемъ то, что называется закономъ этихъ явленій, т. е. все, что только мы можемъ знать достовернаго относительно явленій природы». Правильно, читая подобныя выдержки, читатели склонены думать, что онъ не изъ общедоступнаго журнала, а изъ какого то ученаго трактата. Въ противоположность статьямъ такого типа пріятное впечатлѣніе производятъ отдѣльныя статьи А. П. Печасова подъ общимъ заглавіемъ: «Очерки русской геологіи» (№ 3 и 5) гдѣ авторъ исходитъ изъ того, что видитъ и наблюдаетъ въ природѣ всенкъ человѣкъ, безъ всякой спеціальной научной подготовки. Много интереснаго и полезнаго внесетъ читатель въ ежемѣсячные астрономическихъ очерковъ «Шербакова и статьи пр. Вагнера (№ 1 и 5) «О мозгѣ», хотя они тоже страдаютъ общими недостатками — трудностью изложенія. Очень симпатично и замѣчательно написана статья Веселовскаго о Веранжѣ (№ 4).

Вообще «Журналъ для всехъ» имъ съ удовольствіемъ присоединяемъ къ числу очень симпатичныхъ, интересныхъ и содержательныхъ журналовъ. Онъ заслуживаетъ самаго широкаго распространѣнія, тѣмъ болѣе, что и по цѣнѣ онъ доступенъ всякому. Если бы почитатели «Журнала» поблажились бы еще о болѣе популярной формѣ изложенія научныхъ знаній, то журналъ былъ бы доступенъ всякому и по содержанію. Когда мы читали «Журналъ для всехъ», намъ много и много разъ вспоминался Н. А. Рубинштейн, который дѣйствительно умѣлъ научныя истины излагать образными и простыми языкомъ, понятными для всѣхъ.

Я.

